

Не успела Лиралей исчерпать свой запас сплетен, как они перевели разговор на тело героини, в частности, на ее грудь. Яркая улыбка, контрастировавшая с расфокусированным взглядом Лиралей, тут же исчезла. "Н-нет, я не хочу об этом говорить, ребята. Их сиськи так несправедливы", - ворчала она, облокотившись на стол. "Они заставляют меня чувствовать себя ребенком, это так отстойно", - ныла она, совсем не похожая на себя обычную, и она кветировала, и...

Четвертый танкер был тем, что действительно подтолкнул ее к краю. Вспоминая эту ночь позже, Лиралей не могла вспомнить, что именно привело к этому моменту, кроме того, что это случилось в середине ее длинной тирады о сиськах шлюхи-суккуба Акаши. Лиралей с поразительной силой опрокинула в себя пустой бокал, ее руки метнулись в стороны и задрали подол топа. Не церемонясь, она одним плавным движением стянула его с себя, ее длинные рыжие волосы плавно поднялись, когда она тащила их вверх, а затем упали, когда она полностью стянула их с себя, шлепнув рядом с бокалом. "Мне все равно, что они малы, - солгала она, - они ничуть не хуже ее!" Она солгала еще больше, лицо покраснелось от алкоголя, возбуждения, а теперь еще и от смущения, которое сопутствовало ее разоблачению.

Она не дулась. Она села прямо и позволила им всем хорошо рассмотреть ее грудь, не скрывая ее. Неправильно было бы говорить, что она плоская, но Лиралей была не так уж далека от этого, ее грудь была не более чем скудным выступом на груди, который легко можно было не заметить в зависимости от того, с какой точки зрения на нее смотреть. На один удар сердца в комнате воцарилась тишина, все с довольным удивлением уставились на ее сиськи, прежде чем кому-то пришло в голову спросить: "А можно их потрогать?".

Еще один удар сердца, еще тишина. Еще и еще. Лиралей только моргнула, огляделась вокруг, пытаясь понять, кто из ее многочисленных новых лучших парней спросил. "Ну... конечно", - сказала она, отгоняя слабое нервное чувство, ноющее в глубине ее сознания. Она подняла руку и указала на парня, который, как она была уверена, сказал это. "Давай, ты можешь идти первым. Только потом расскажи всем, какие они замечательные". Лиралей не могла удержаться от пьяной ухмылки, когда все ее парни взорвались громким одобрением, хлопая в ладоши и топая ногами. Ни один из них не зацепился за размер ее сисек. Все, кто сидел или стоял рядом с худощавым рейнджером, держали руки при себе, позволяя своему другу, который был кузеном, который был братом, получить то, что предложила им героиня.

Справедливее было бы сказать, что грудь Лиралей была не грудью, а горстью. Ему было легко положить руку на ее сиську и широко растопырить пальцы. Хотя она и не могла сравниться с самой полной грудью, которую мужчина держал в руках, она все равно была мягкой. Она была теплой. Это были сиськи, и, как и всем остальным парням в таверне, ему было совершенно наплевать, что они крошечные - он просто был благодарен Лиралей за то, что она позволила ему это сделать, и что она явно наслаждалась этим. Лиралей тихонько застонала, прикусив зубами нижнюю губу и глядя пьяным вакантным взглядом в лицо мужчине. Она никогда раньше не позволяла никому прикасаться к себе, но даже через несколько секунд после первых ласк? Она могла сказать, что ей не хватало всего этого.

"Эй, могу я..."

"Да", - Лиралей выпустила губу, чтобы ответить, прежде чем он успел задать вопрос, ее голос

стал более горловым, а удовольствие очевидным. "Можешь. Ты... ты... ну же, пожалуйста, сделай это". Ей не нужно было умолять его начать, он уже сидел рядом с ней. Один мужчина был лучше, чем лапать ее собственные сиськи, а если два разных мужчины будут играть с ее грудью, это будет вдвойне лучше.

Новичок сосредоточился на соске, а не на сиськах, сжимая и пощипывая его, осторожно пробуя и наблюдая за реакцией Лиралей. Она наслаждалась каждой секундой, но ее веки затрепетали, а затем сомкнулись, когда он стал немного сильнее и немного грубее с нежными бутонами. Когда он перешел к более жестким щипкам и сдавливаниям, она задышалась соответственно - и затем жестоко прикусила нижнюю губу, прижимая плечи к спинке стула и выгибая спину, чтобы вдавиться в жестокие пальцы. Девственница или нет, но Лиралей многое пережила в своей повседневной жизни, занимаясь приключениями и сражаясь в Войне Древних, и это явно повлияло на ее сексуальные предпочтения так, как она и не подозревала.

Возможно, именно поэтому, несмотря на все ее попытки, она никогда раньше не испытывала оргазма. Лиралей всегда была мягкой и нежной с собой, почти до такой степени, что чувствовала робость в исследовании собственного тела. То, что с ней делали сейчас, резко контрастировало с этим. Другой парень, поняв, насколько Лиралей увлеклась грубой игрой, убрал руку с ее сисек, а затем грубо шлепнул по ним, треск кожи о кожу раздался в тихой комнате, и все с восторгом наблюдали за рыжей. Казалось, все ее тело содрогнулось от удара, и она отозвалась на звук ударившейся кожи собственным резким криком - но ее глаза не открылись, и она не встала. Вместо этого ее руки легли на сиденье стула, сжимая его края. "Хочешь, чтобы я сделал это снова?" - спросил шлепающий, ухмыляясь.

"Д-да", - прохрипела она. На этот раз другой мужчина последовал ее примеру, и они синхронизировали свои пощечины. Рот Лиралей открылся, и она издала визгливый крик, вздрогнула, но так же быстро снова выпятила грудь вперед, жаждая большего. Так ли поступали другие героини? Лиралей, которая никогда в жизни не участвовала в кулачном бою или даже в кошачьей драке, которая могла убежать от всех своих проблем, чтобы решить их и избежать, знала только из их примеров, что получить пощечину или удар по сиське должно быть неприятно.

Так почему же ей было так хорошо? Ее соски, казалось, стали тверже, чем когда-либо прежде, а трусики промокли насквозь. Лиралей не смогла придумать ответ на этот вопрос за несколько секунд, которые у нее были до того, как мужчины снова шлепнули ее маленькие сиськи в тандеме. Рыжая снова завизжала, впиваясь ногтями в стул так грубо, что они грозили сломаться об него. Затем другой мужчина вплотную прижался к спинке ее стула, его пальцы обхватили низ ее хвоста и сильно потянули за него, заставляя рыжеволосую девственницу еще больше откинуть голову назад, ее шея практически перегнулась через спинку стула, а лицо было обращено к потолку. Ее глаза слегка приоткрылись, и она уставилась на схватившего ее мужчину с растерянностью в зеленом взгляде и слегка приоткрытыми губами.

"Эй, - прорычал он, выглядя совсем не тем дровосеком, каким был, когда не был призван на Войну Древних, его щеки покраснелись от выпитого до этого момента алкоголя. Несмотря на это, его голос звучал очень мило и застенчиво, когда он спросил ее: "Можно тебя поцеловать? У тебя чертовски красивые губы", - невнятно сказал он ей, хотя эта миловидность и застенчивость были напускными. Он просто хотел получить шанс засунуть свой язык в ее рот, пока в нем не побывало от одного до трех десятков мужских членов. Даже на таком раннем

этапе последующего марафона все, кроме самой Лиралей, могли сказать, чем закончится эта ночь.

Реакция Лиралей гораздо больше соответствовала тому, как ей, вероятно, следовало бы вести себя, когда они спросили, можно ли ее лапать, можно ли дать ей пощечину. Ее лицо стало полностью красным, полнее, чем у адского медведя, и краснее, чем кожа Экса. "Ты хочешь... ты хочешь поцеловать меня?" - спросила она, как будто это было что-то скандальное, ее сердце учащенно забилося в груди. "Но я не... я... я... я... я думаю... ой!"

Еще один визг в середине обмена был просто неизбежен, так как мужские руки снова захлопали по ее бедным крошечным сиськам. Она резко втянула воздух и на мгновение закрыла глаза, ее губы сомкнулись, когда она сглотнула. О, боги, хочу ли я, чтобы мой первый поцелуй был с этим парнем? Чтобы... чтобы это было здесь? Кто-нибудь еще захочет меня поцеловать? Она всегда представляла, что ее первый поцелуй будет с красивым, лихим героем - и тот случай, когда она слегка провела языком по подушке, абсолютно не в счет.

Рыжеволосая рейнджер едва замечала, как мужчины вокруг нее ворчали на пару, которая ласкала ее сиськи, а те неохотно отступили, чтобы позволить двум новым парням овладеть ее сиськами. На этот раз к ним присоединились третий и четвертый, не настолько близко, чтобы схватить ее за сиськи, но достаточно близко, чтобы отхлестать по ним сразу же после того, как их товарищи получили свои пощечины, легко удвоив болевой шок, который обрушился на Лиралей - но вчетверо увеличив ее удовольствие. После ее очередного визга, нескрываясь похотливого по своей природе, мужчина, державший ее за волосы, решил, что он ждал достаточно долго, когда технически у него уже был ответ. В конце концов, "я полагаю" было своего рода "да".

Он наклонился, захватывая ее рот. В отличие от двух новобранцев, которые начали с сисек Лиралей, он не стал валять дурака. Он не расслаблялся. То, как она отреагировала на эти пощечины, сказало ему все, что он хотел знать о Лиралей, о многом из того, что сама Лиралей еще не поняла.

Героиня или нет, Лиралей по природе своей была покорной шлюхой, которая не хотела иметь собственного мнения или права голоса в том, что происходит с ее телом или что с ним делают. Там, где другие герои славились своей хитростью, своим мастерством, своей силой - она больше всего славилась тем, что бегала. Она могла сама выбирать, какой опасности подвергать себя, и поэтому наибольшее удовлетворение она получала только тогда, когда у нее отбирали этот выбор. Пока Лиралей еще не оправилась от четырех быстрых последовательных шлепков по сиськам, она обнаружила, что ее задыхающийся рот закрыт его губами, а его борода щекочет ее лицо так, что ей почти захотелось чихнуть. О... о боги, меня целуют. Это мой первый поцелуй, - запаниковала она, пьяная или нет. И, о боги, это его язык.

Он протиснулся в ее рот с безрассудной бравадой, нашел ее рот и вступил с ним в борьбу, заставляя рыжую голову дрожать от чужеродного ощущения, так не похожего ни на что другое, что она испытывала в своей жизни. Она никогда прежде не чувствовала себя такой уязвимой, такой интимной. Он издевался над ее языком, как над сиськами, его губы плотно прилепали к ее губам, он ласкал ее так, словно она была блудницей с двумя золотыми.

Достаточно сказать, что он целовался лучше, чем подушка. После того случая Лиралей решила, что "целоваться с языком" - это шутка, или, по крайней мере, сильно преувеличено - но теперь, когда она не вылизывала подушку, когда с ее языком обращались как с добровольной сучкой этого мужчины, такой же, какой была она сама? Это было намного лучше. Одна из ее рук отпустила стул и дрожащей рукой потянулась назад и вверх, пытаясь устоять на ногах, обхватив шею своего первого поцелуя. На каком-то более глубоком уровне она не могла не наслаждаться тем, как он дергает ее за волосы, обращаясь с ними как с маленьким поводком или как с загривком сексуального котенка, тонко побуждая ее все больше и больше отбросить все заботы и просто отдаться.

Для Лиралей это даже не было выбором. Она просто делала это, не видя и не желая другого выхода, даже не задумываясь об этом. Шлепки по ее груди продолжались, но теперь ее реакция на них была более приглушенной, звуки ее стонов поглощались ртом ее целователя. Каждый раз ее тело вздрагивало, но каждый раз она с таким же нетерпением выпячивала грудь, даже когда ее грудь все больше краснела от сильных ударов. Рука, которую она протянула вверх, чтобы обвиться вокруг шеи своего поцелуя, так и не дотянулась до него; другая рука схватила ее за запястье и отдернула.

Слишком отвлеченная всем, что с ней происходило, она не придавала этому значения. Мужчины впервые прикасались к ее телу, ее впервые целовали, и, конечно же, кто-то впервые хотел взять ее за руку, верно? Сама мысль об этом почти прорвала ее похотливую дымку, это простое действие было таким непристойным в ее наивном сознании. Она представляла, как их пальцы переплетутся, как его пальцы сожмут ее и наоборот, и это было почти невыносимо.

Пальцы мужчины скользнули по тыльной стороне ее запястья и по тыльной стороне ее руки, но они не пытались переплестись с ее пальцами, как думала Лиралей. Вместо этого они медленно, но верно заставили лучницу сомкнуть длинные, изящные и ловкие пальцы вокруг чего-то горячего и жесткого, но немного хлюпающего. Прямое, как древко стрелы, но не такое твердое.

На секунду ее тонкие брови начали сходиться, а затем сочетание рук, ласкающих ее грудь, и языка, доминирующего над ее ртом, заставило ее забыть о решении этой конкретной загадки. "Эй, герой, хочешь...", - начал спрашивать мужчина, контролирующий ее руку. И снова Лиралей бездумно сказала "да", хотя это было в форме беззвучного стога. "Потрясающе", - засмеялся он, медленно направляя ее пальцы, чтобы погладить то, что она держала в руке, вперед-назад, пока она не начала делать это по собственной воле, постепенно ускоряясь.